

INSPIRIA

НОЧЬ, КОГДА ОН ИСЧЕЗ

ЛОРА ДЕЙВ

INSPIRIA

Ток. Чужие секреты

Лора Дейв

Ночь, когда он исчез

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Дейв Л.

Ночь, когда он исчез / Л. Дейв — «Эксмо», 2024 — (Ток. Чужие секреты)

ISBN 978-5-04-255938-9

Новинка от автора супербестселлера №1 The New York Times! Долгожданный роман Лоры Дейв – автора феномена «Последнее, что он сказал мне», покорившего мир и экранизированного Apple TV+! Иногда, чтобы узнать правду об отце, нужно дождаться его смерти. У Лиамы Нуна было все: империя элитных отелей, обожание публики и трое детей от разных браков. Но однажды ночью его находят на дне обрыва у собственного поместья. Полиция говорит: «Несчастный случай». Его дети думают: «Убийство». Лиам Нун – человек-загадка, и даже после смерти он продолжает играть по своим правилам. Нора и Сэм – сводные брат и сестра, которые годами едва переносили друг друга, вынуждены объединиться, чтобы понять, что на самом деле произошло в ту роковую ночь. Пытаясь восстановить последние часы жизни отца, они натыкаются на след, ведущий в далекое прошлое. Оказывается, за фасадом успешного бизнесмена скрывался человек, который десятилетиями вел двойную игру и хранил верность тайне, способной разрушить их наследие. Это не просто расследование гибели. Это путешествие по лабиринтам памяти, разбитых сердец и старых обид. Чем ближе Нора и Сэм к разгадке, тем чаще они задаются вопросом: кем на самом деле был их отец – героем или искусным лжецом? И не станет ли эта правда их собственным приговором? «Триллер с неожиданными поворотами, который будет держать в напряжении до самого конца». – TIME «Дейв – мастер триллера нового типа... Настоящий эмоциональный триумф». – Ребекка Серл, автор бестселлеров The New York Times

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-255938-9

© Дейв Л., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
Часть I	9
День открытых дверей	9
Родственников не выбирают	12
Нотный лист	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лора Дейв

Ночь, когда он исчез

Laura Dave

THE NIGHT WE LOST HIM

Copyright © 2024 by Laura Dave

© Хохлова Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Джошу и Джейкобу. Все это – для вас

*Как циркачка на проволоке
Шест в руках своих держит,
Чтобы руки длиннее казались,
Ты меня нес, а я тебя
Сквозь этот мир.*

Джейн Хишфилд

Пролог

Он знал – описывая его жизненный путь, биографы ограничатся одной фразой: когда Лиам Сэмюэл Нун принялся сколачивать состояние, то первым делом купил участок земли как можно дальше от родных пенатов.

Несомненно, существуют уголки и более удаленные от бруклинского района Мидвуд, нежели Центральное побережье Калифорнии, однако стоило Лиаму оказаться в городке Карпинтерия, его охватило удивительное чувство обновления. Сердцебиение успокоилось, дыхание выровнялось – сущая малость, зато какой эффект! Он мчался по уединенному приморскому городу будто в полусне; дул свежий ветер, над дорогой причудливым шатром колыхались разросшиеся кроны кипарисов.

Лиам, недавно принявший на себя руководство компанией, направлялся на встречу с потенциальным инвестором. Они собирались обсудить строительство роскошного бутик-отеля неподалеку от Санта-Барбары: сорок восемь коттеджей, извилистые горные тропы, открытые каминны, мощеные дорожки, а также ресторан, отделанный камнем.

Лиам встретился со своим деловым партнером, бывшим однокурсником по имени Бен, в его прибрежном загородном доме на Падаро-лейн. Они расположились на веранде и, уплетая яйца пашот, изучали чертежи. С океана тянуло прохладой: Лиам озяб в костюме, но отказался от пальто, предложенного Беном, лишь выпил еще одну чашку кофе.

Бросив случайный взгляд на восток, он заметил маленький домик, примостившийся на склоне Гагачьего мыса. Ослепительные лучи восходящего солнца отражались от крутого утеса, освещая белые камни, апельсиновую рощу и розарий.

Имение раскинулось на обширном участке земли – пять великолепных акров, с которых открывался вид на бескрайний океан и предгорья Санта-Инес.

У входной двери висела белая деревянная табличка с названием: «ВЕТРОЛОМ». Постучавшись, Лиам поинтересовался у хозяйки, одинокой пожилой женщины, за сколько она готова продать дом. Та ответила, что мечтает жить в тишине и покое, без назойливых посетителей, которые стучатся в дверь с глупыми вопросами. Лиам с улыбкой принес извинения. «В любом случае такая покупка мне не по карману», – сказал он.

Тогда хозяйка его впустила.

С тех пор миновало более трех десятков лет. Как же быстро пролетело время! Лиам подходит к северо-восточному склону. Оттуда открывается восхитительный вид – внизу шумит океан, свежий бриз колышет ветви оливковых деревьев, все вокруг в движении.

Вспомнив тот день, Лиам глубоко вздыхает, сглатывая подступившие слезы.

Обычно он не склонен к ностальгии и никогда не был любителем фантазий, но сегодня невольно представляет себя задорным юнцом, стучащимся в дверь к пожилой даме в надежде начать новую жизнь. Теперь он старик, за его спиной опустевший дом, и некому ответить на вопрос, где он свернул не туда, как оказался здесь, измученный и утомленный, но готовый наконец вслух признать свои ошибки. Им руководит не сожаление – банальное, бездеятельное чувство, – а покаяние.

Он перематывает назад свою жизнь, тщательно отбирая мгновения, которые хотел бы прожить заново. В восемнадцать лет, двадцать, двадцать шесть, тридцать семь, сорок пять. Пятьдесят восемь, шестьдесят один, шестьдесят восемь. Хотя, если вдуматься, это одно и то же мгновение.

Все тот же выбор: либо шагнуть навстречу судьбе, либо прочь от нее.

Лиам упирается ногами в белый камень. Накрапывает мелкий дождик. Когда именно «Ветролом» превратился в памятник его провалам? Слишком просто (и, вероятно, ошибочно) считать, что подобная метаморфоза произошла недавно. В любом случае теперь это место

напоминает Лиаму о нем самом. Какая ирония судьбы! Он рассчитывал, что «Ветролом» станет для него спасением от родительского дома, из которого он так стремился сбежать, а получилось ровно наоборот. Теперь это его капсула времени, хранящая воспоминания и ошибки прошлого.

Лиам оборачивается, окидывает взглядом «Ветролом». Все окна озарены светом: две спальни, две ванн, небольшая кухня. Коттедж меньше, чем гостевые домики на соседних участках, не говоря уже о хозяйских особняках площадью в восемь тысяч квадратных футов¹. Никто не сомневался, что рано или поздно Лиам снесет маленький дом и построит новый. Идеальное и в то же время совершенно не подходящее для жизни бунгало не предназначено для большой семьи, а уж для всех его семей – тем более.

Даже если построить дом попросторнее, проблемы не закончатся. Лиам всегда волновался, приводя сюда дочь, а потом сыновей. Скала почти отвесно обрывается на восемьдесят футов вниз, под ней – камни и океан. Невысокая изгородь – плохая защита. Вдруг дети перелезут через нее прежде, чем он успеет их поймать?

Так он убеждал себя. А может, все намного проще? Ему нравилось жить здесь одному. Или с ней.

Лиам вглядывается вниз, за край обрыва, где плещутся волны, из которых величественно вздымаются зазубренные скалы. В этот миг он отчетливо понимает: нет, дело не только в эгоизме. Всю жизнь он по-своему пытался защитить детей. Даже когда ошибался (что греха таить, как отец он гораздо чаще терпел поражения, чем достигал успеха), все равно стремился их уберечь.

Через несколько мгновений Лиам Сэмюэл Нун падает с обрыва. Пока он, кувыркаясь, летит вниз, в его сознании вспыхивает прощальная мысль.

Лучше я, чем они.

---

¹ Приблизительно 723 квадратных метра. – Здесь и далее примечания переводчика.

Часть I

*Архитектор работает на территории памяти.
Марио Ботта*

День открытых дверей

– Как считаете, его можно спасти?

Я стою в дверях пятиэтажного особняка из коричневого песчаника, расположенного на окраине бруклинского района Коббл-Хилл. По моему профессиональному мнению, дом великолепен: необычайно просторная планировка, металлические оконные переплеты, сохранившиеся еще с постройки деревянные перила, обшитые панелями высокие потолки. И чудесный сад на крыше с видом на утопающий в зелени перекресток Генри-стрит.

– В каком смысле «спasti»? – уточняю у своей заказчицы Морган.

– Я считаю, все нужно полностью переделать. Здесь слишком уныло, понимаете?

Морган качает головой, ожидая поддержки. Она молода и красива (лет двадцать пять – двадцать шесть), на ней те же самые синие сапоги до колена, которые я замечала при наших немногочисленных личных встречах. Каждый раз она выглядит все более расстроенной предстоящим переездом в Бруклин. Не знаю, что ей не нравится, – то ли дом, то ли она просто не хочет покидать Манхэттен. В любом случае мысль о смене места жительства определенно не вызывает у нее воодушевления.

По словам Морган, в Бруклин она перебирается по настоянию жениха – какого-то бизнесмена. Модный район Трайбека и уютный лофт на Норт-Мур-стрит ему не по душе, поэтому он решил променять Манхэттен на пригород. Я еще не встречалась с женихом Морган, хотя, по-видимому, именно он посоветовал меня нанять. Он желает провести свадьбу на крыше, а пока идет подготовка к торжеству, полностью отремонтировать пять этажей.

– Как считаете, когда все будет готово? – интересуется Морган.

– Что именно?

– Ну, все. – Она широким жестом обводит дом и, стуча каблучками, спускается на цокольный этаж, в гостиную.

– Давайте сперва обсудим ваше видение в целом, – отвечаю я, – затем углубимся в детали, а уже после этого оговорим план работ и сроки.

– Отлично.

Морган усаживается на диван, вроде бы соглашаясь с моим предложением, но тут же достает из сумочки телефон – ей уже наскучили подробности, которые мы еще не начали обсуждать. Она заходит в Инстаграм², где ее встречают пятьсот тысяч подписчиков. Я для нее больше не существую.

Невзирая ни на что, принимаюсь раскладывать чертежи. Предыдущим владельцем особняка был архитектор, с которым я знакома еще со студенчества. Он почти три года перестраивал этот дом для своей семьи, однако его жене предложили работу в Колорадо, и они переехали, не успев толком обжиться. Разумеется, существует множество способов оформить жилое пространство, но я отчетливо ощущаю, с каким вниманием он отнесся к каждой детали: просторная уютная гостиная, скругленные углы, оливковое дерево, изящно уравнивающее массивный камин, льющийся с трех сторон естественный свет.

---

² Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России признана экстремистской и запрещена.

Считается, что основная задача архитектора – созидать оригинальные, необычные здания. Однако лично я глубоко убеждена – окружающая среда может благотворно влиять на качество жизни, поэтому проектирую пространства, способные улучшать самочувствие. Я специализируюсь в области нейроархитектуры. Большинство моих клиентов заинтересовано именно в таком подходе к дизайну помещений: главное – благополучие человека.

Не знаю, что в этой гостиной показалось Морган унылым, но ее вряд ли привлекает подобная философия.

– Ваш жених к нам присоединится или мы будем вдвоем?

Вместо ответа Морган включает камеру в режиме «селфи», жеманно вытягивает губки. Поспешно уворачиваюсь, чтобы не попасть в кадр.

– Он скоро подойдет.

Дверь открывается, впуская внутрь холодный зимний воздух, и на пороге появляется мужчина лет тридцати. Весьма привлекательный – высокий, широкоплечий, с волевым подбородком и пронзительным взглядом. На нем спортивный пиджак, из-под которого выглядывает толстовка, отчего он кажется моложе своих лет.

А еще этот красавец – мой брат Сэм.

– Привет, Нора, – кивает он мне.

– Это что, розыгрыш? – спрашиваю я.

Морган удивленно смотрит то на меня, то на Сэма.

– Вы знакомы?

– Нора – моя сестра, – поясняет он.

– Твоя сестра?!

Ничего себе. Наши встречи с Сэмом можно пересчитать по пальцам одной руки. В детстве мы виделись нечасто, а во взрослом возрасте – еще реже. Я единственная дочь своего отца от первого брака, Сэм – один из двух сыновей от второго. Можно сказать, Сэм и его брат-близнец Том стали причиной этого второго брака – неожиданная беременность их матери послужила подтверждением, что отношения моих родителей безнадежно разладились.

– Сэм, какого черта? – говорит Морган. – Вообще-то можно было предупредить.

Я не поняла, о чем именно, – то ли что он нанимает свою сестру, то ли что у него вообще есть сестра. Склоняюсь ко второму варианту, но прежде чем Сэм успевает ответить, у Морган звонит телефон. Пояснив, что это организатор свадьбы, она удаляется в коридор.

– Рад тебя видеть. Как жизнь? – улыбается Сэм.

– Зачем было темнить?

Его улыбка гаснет.

– Я месяц не мог до тебя достучаться. Ты ни разу не перезвонила. И кто из нас темнит?

Действительно, после смерти отца я не отвечала ни на его звонки, ни на электронные письма. Отец завещал не устраивать похороны, поэтому личной встречи тоже удалось избежать.

Просто я не хотела иметь с Сэмом никаких дел. Практика показала: ни с кем из второй семьи отца лучше не связываться. И из третьей тоже, раз уж на то пошло.

– Надо поговорить.

– Ты купил дом за восемь миллионов долларов ради беседы?

– Разговор очень важный.

Принимаюсь собирать чертежи.

– Мне пора к другому клиенту.

– Морган ангажировала тебя до конца дня, так что...

Я редко берусь за частные проекты вроде этого, но Морган внесла щедрый аванс, который, с одной стороны, дает мне возможность заниматься любимой работой, а с другой – позволяет ей располагать моим временем.

– С радостью верну чек.

– Мы можем просто сесть и спокойно поговорить?

– Кажется, я выразилась вполне ясно. Деньги отца меня не интересуют – ни при его жизни, ни теперь.

– Я здесь не за этим.

Поднимаю голову, встречаюсь с ним взглядом. У Сэма такие же дымчато-зеленые глаза и светлые волосы, как у отца. Сердце сжимается от боли, но я стараюсь сохранять спокойствие.

Мне становится легче, когда я напоминаю себе: мой брат здесь по делу. Несмотря на нашу общую утрату, он определенно не испытывает желания наладить отношения. Вот и хорошо. Я тоже не хочу с ним общаться. И уж тем более не собираюсь иметь что-либо общее с отцовской фирмой.

Переслав последнее письмо от Сэма (тема: «Надо поговорить») юристам отца, я ответила: пусть распоряжается наследством, как ему будет угодно. И все остальные тоже.

– До свидания.

Направляюсь к двери. Прочь отсюда, да поскорее.

– Подожди!

Еще пара шагов, и я свободна – от Сэма, его семьи и остальной их шайки. Однако мой брат произносит несколько слов, которые заставляют меня остановиться.

– Нора, ты помнишь, как умер отец? Его падение...

Замираю, прислушиваюсь.

– ...не было случайным.

Родственников не выбирают

В последний раз мы с Сэмом виделись больше пяти лет назад, на дне рождения дяди Джо. Вообще-то Джо – папин двоюродный брат, но они были близки как родные: вместе росли, ходили в школу, жили в одной квартире после окончания колледжа и несколько десятков лет работали в одной компании. Обычно братья часто ссорятся, но эти двое ухитрились жить в мире и согласии. Не просто родственники – лучшие друзья.

Отец организовал празднование дня рождения Джо в «Перри-стрит» – их любимом ресторане неподалеку от Вестсайдского шоссе. Нам с Сэмом достались места рядом, на дальнем конце стола. Брат недавно начал работать в отцовской фирме; ему поручили организовать ввод в эксплуатацию нового объекта на Гавайях – небольшой пляжный отель на северном побережье острова Кауаи.

По настоянию отца Сэм специально прилетел в Нью-Йорк на праздник, хотя явно не горел желанием здесь находиться, в особенности из-за брата-близнеца Томми, который провел большую часть ужина на улице, отвечая на рабочий звонок. По лицу Сэма нельзя было понять – то ли он завидует, что у Томми есть причина отсутствовать за столом, то ли ревнует из-за того, что Томми отсутствует по причине, не связанной с ним.

В любом случае меня больше занимал разговор с Грейс, сидевшей с другой стороны.

– Твой отец говорит, ты открыла собственное бюро? – спросила она. – Как здорово!

Грейс всегда мне нравилась. Спокойная и невероятно умная, она работала в компании, сколько я себя помню. Почти так же долго, как Джо. По словам отца, Джо обеспечивал, чтобы все шестеренки крутились без остановок, а Грейс отвечала за творческую часть. Наверное, именно по этой причине она искренне радовалась, что я набрала достаточно собственных заказов, погасила кредиты на учебу (бакалавриат по нейробиологии и изобразительным искусствам, магистратура по архитектуре), ушла из крупного архитектурного бюро, превратила гараж в Коббл-Хилл в студию и открыла собственную фирму.

А главное – я не прибегала к финансовой помощи отца. Разумеется, в детстве он помогал деньгами, но когда я выросла и уехала из дома, предполагалось, что дальше мне предстоит справляться своими силами. Я не мученица, просто всего в жизни нужно добиваться самостоятельно. Меня так мама воспитала. «От больших денег большие беды», – говорила она. Отец уважал подобный подход.

Разумеется, Грейс это знала; она улыбнулась, радуясь, что мой тернистый путь увенчался успехом.

– Мы начали работы на стройплощадке в Ривьере Наярит. Ты в курсе?

– Нет.

– Есть некоторые геологические сложности, но объект очень интересный. Мы хотим интегрировать здания в ландшафт, уделить особое внимание экологии и здоровью. Возьмем пример с курорта, который твой отец только что посетил в Азии: создадим оздоровительный центр, наймем в штат главного врача. Разумеется, нужно начать с планировки...

Грейс не случайно подняла этот вопрос. Пару недель назад отец посетил мой семинар о влиянии городской и жилой среды на здоровье и долголетие. Вероятно, он увидел возможность привлечь меня к работе в компании и решил закинуть удочку.

– В общем, – продолжила Грейс, – твой отец надеялся, тебе будет любопытно.

– Разве ты не знаешь? Нора не интересуется нашей маленькой фирмочкой, – встрял Сэм.

– Верно. Однако я в состоянии сама выразить свое мнение, – раздраженно парировала я. Отец неоднократно заводил со мной разговор о работе, и всякий раз я решительно отказывалась. Но все равно приятно, что он гордится моими профессиональными достижениями. – Сейчас у меня полно заказов.

– Ты уверена? Мы с радостью привлечем тебя к нашему проекту.

– Уверена. Но спасибо, что спросила.

Грейс кивнула, с облегчением завершая разговор. Вообще-то вовлекать меня в семейное дело – забота отца. Он махнул ей рукой, приглашая присоединиться к ним с дядей Джо.

– Я скоро вернусь, – сказала она и, дружески сжав мне плечо, ускользнула.

Мы с Сэмом остались наедине.

– Значит, ты открыла собственное бюро? Что ж, поздравляю. – В последнем слове прозвучала ирония, будто он имел в виду прямо противоположное.

Я вымученно улыбнулась, нервно расправила юбку. Я приехала на праздник с деловой встречи и не успела переодеться. Мой профессиональный наряд составляли строгое платье, вельветовый пиджак и кожаные туфли на удобном каблуке; волосы аккуратно собраны в пучок – просто и без излишеств. Сэм смотрел на меня с осуждением (сам-то в замшевой куртке и дорогих ботинках), словно считал одновременно модницей и оборванкой.

Я бестрепетно встретила его взгляд. Мама всегда говорила: самый быстрый путь к несчастью – обращать внимание на недовольство других людей, особенно незнакомых.

– Спасибо, – ответила я.

– Отец говорил, ты получила большой заказ в районе Ред-Хук. Картинная галерея или что-то вроде того?

Начальная школа. Я трудилась над ней последние два с половиной года вместе с командой инженеров, педагогов и нейробиологов. Школа находится прямо у воды, там большие окна и просторные классы, много естественного света и свежего воздуха, полно места для игр и беготни. Журнал «Рекорд» недавно упоминал о ней в статье о зданиях, построенных на стыке образования и нейроархитектуры. Благодаря положительному отклику на этот проект мне удалось стать хозяйкой собственного архитектурного бюро.

– Вроде того.

– Сколько планируешь заработать за год? – осведомился Сэм.

– В смысле?

– Интересуюсь с чисто деловой точки зрения.

– С чисто деловой точки зрения это не твое дело.

– Если примешь папино предложение – станет мое.

В поисках спасения я посмотрела на Томми, однако тот стоял за окном спиной к нам и не видел моего отчаянного взгляда. Можно подумать, он раньше обращал внимание.

Я хотела уточнить у Сэма, с чего он взял, будто меня интересует его работа, его жизнь, – но отказалась от подобной идеи. Дело вовсе не во мне: мой брат думает только о себе.

– Если хочешь вписаться, пожалуйста, – сказал он. – Я ничего против тебя не имею.

– А что ты можешь иметь против? Мы же едва знакомы.

Он отсалютовал бокалом с виски:

– Вот именно.

* * *

– Да не мог он просто так упасть, – говорит Сэм.

Мы переместились на кухню, которую Морган планирует полностью раскурочить, невзирая на панорамные окна с видом во двор, свежепокрашенные потолки и роскошную ярко-зеленую плиту фирмы «Бертаццони».

Нас с братом разделяет кухонный стол – точно островок безопасности или непроходимый ров.

Сэм стоит с одного края стола, я с другого. Оба избегаем садиться на высокие табуреты, оставляя возможность для бегства. Морган уже уехала на Манхэттен, в таверну «Грамерси»,

обсуждать с организатором подробности свадебного торжества. Я ей завидую – по целому ряду причин.

- Что же, по твоему мнению, произошло?
- Ему помогли.
- В смысле, специально столкнули с обрыва?
- Если человека толкают, он падает.

Отворачиваюсь. «Ветролом» был для отца убежищем, тайной берлогой. Неудивительно, что в день смерти он находился там один. Местные силы правопорядка и служба безопасности «Нун Пропертис» пришли к единодушному выводу: было темно, край скалы оказался скользким. Нет никаких свидетельств, позволяющих предполагать постороннее вмешательство или самоубийство. Отец просто оступился.

- Мне сказали, полиция провела расследование, – говорю я.

– Ну да. – Сэм пренебрежительно пожимает плечами. – Очень тщательное. Так старались, что закрыли дело меньше чем за месяц.

Губы брата плотно сжаты, плечи напряжены. В юности он играл в бейсбол; у отца на столе стояла фотография – Сэм на бейсбольном поле. Глядя на него, я невольно вспоминаю, каким он был раньше. Его сосредоточенное лицо. Его преданность игре. Его талант.

Сэм выступал стартовым питчером за университетскую команду «Вандербилт» и помог ей завоевать чемпионский титул в первом дивизионе³. Вскоре после выпуска он получил предложение от «Миннесота Твинс», однако через две недели тренировок судьба преподнесла ему жестокий сюрприз: во время мощной грозы начинающий водитель на учебной машине врезался в его внедорожник. Осколки лобового стекла распороли руку в двух местах, и карьера в Главной лиге бейсбола закончилась, не успев начаться.

- Сэм, я понимаю, ты взволнован...

- Понимаешь? Неужели?

- У тебя есть доказательства, что в ту ночь отец был не один?

– Нет. Ты же помнишь, как он оберегал свое личное пространство. В «Ветроломе» охрана только у главного входа. Даже если там никто не проходил, на участок можно проникнуть другим путем. Я навскидку могу придумать несколько способов.

- Согласна, но... кому понадобилось его столкнуть?

- Ты что, не знаешь нашего отца?

Вроде шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Даже находясь вдали от отцовского бизнеса, я знала – у него был свой подход, из-за которого многие его уважали, а многие терпеть не могли. Сторонники называли отца требовательным, критики – привередливым. Например, за день до торжественного открытия отеля в долине Напа, недалеко от Сент-Хелены, он обошел участок и остался недоволен: шум дорожных работ на Двадцать девятом шоссе нарушал покой возле главного бассейна. Поэтому отец отложил открытие на полгода, отправил всех сотрудников в отпуск и лично разместил приглашенных на празднество гостей в других пятизвездочных отелях, оплатив расходы из своего кармана. И разумеется, едва отель открылся, все постояльцы смогли воспользоваться бесплатным проживанием на выходных. Как только у бассейна стало тихо.

Сэм достает из сумки голубую папку и кладет передо мной. Внутри – стопка бумаг.

- Что это?

– Среди прочего – копия завещания. Ты знала, что незадолго до смерти отец внес туда изменения?

Отрицательно мотаю головой.

---

³ Чемпионат первого дивизиона NCAA по бейсболу (NCAA Division I baseball tournament) – ежегодный турнир, определяющий чемпиона среди университетских бейсбольных команд в США.

– Неизвестно, как оно выглядело изначально и почему он решил его переписать. Разумеется, юристы ничего не скажут.

Пристально смотрю на брата, пытаюсь уловить намек.

– Там, в завещании, что-то необычное?

– На первый взгляд вроде нет.

– Тогда в чем дело?

– Я считаю, там было что-то необычное, до того, как отец его изменил.

– Это лишь догадка. А что думает Томми?

– Меня не интересует мнение Томми. – В голосе Сэма сквозит напряжение.

– В каком смысле?

Сэм качает головой, игнорируя вопрос.

– Согласись, странное совпадение. Отец впервые за десятки лет вносит изменения в завещание и вскоре умирает...

Смотрю на голубую папку. Если открыть ее – получится, будто я соглашаюсь с Сэмом. Не хочу совершать поступки, которые поместят нас на одну сторону. Странно, почему он так взволнован?

– Откуда ты вообще узнал про завещание?

– У меня есть доступ к его календарю. За несколько недель отец и дядя Джо провели целых восемь встреч с юристами по наследственным делам. Вероятно, он существенно переосмыслил свою последнюю волю.

Ну не знаю. Как по мне, встречи с юристами и изменение завещания (которое могло быть пересмотрено по сотне причин) вовсе не свидетельствуют о заговоре с целью убийства. Скорее безутешный сын и наследник корпорации отчаянно пытается осмыслить произошедшее.

– Ты, наверное, думаешь, будто я раздуваю проблему или желаю свести личные счеты...

Примирительно поднимаю руки, хотя Сэм буквально прочитал мои мысли.

– Ни в коем случае.

– Еще как думаешь. Так вот знай: нет никаких личных счетов. И вообще, дополнительные разбирательства мне вовсе не на руку.

– Как это понимать?

– Отец посвятил нас в свои планы. Он все продумал. Мы с Томми получаем равные доли в компании...

Разница между братьями составляла каких-то две минуты, но Томми вел себя так, будто старше Сэма на десять лет. Сразу после окончания университета он получил дополнительное образование в области бизнеса и права, женился на давней подруге и незадолго до тридцатилетия стал одним из топ-менеджеров «Нун Пропертис». Отец частенько шутил, что из троих его детей Томми и я – настоящие близнецы. У нас темные волосы и глаза, длинные ноги и атлетическое телосложение. Наверное, мы пошли в отцовскую породу, хотя все говорят, что мы похожи на матерей. Несомненное родство выдают очертания губ и точеные скулы, но на том сходство заканчивается – по крайней мере, больше ничего общего я не наблюдаю.

Мы с Сэмом тоже не особенно похожи. После несчастного случая он (по выражению отца) пустился на поиски себя: сперва устроился бейсбольным тренером в престижную школу в Коннектикуте, затем переехал в Бристоль, где получил должность ассистента на спортивном канале «И-Эс-Пи-Эн», наконец вернулся в Нью-Йорк, устроился в отцовскую фирму и стал работать вместе с Томми.

На лице Сэма отражается смесь разочарования и настороженности. Я уже видела его таким, сразу после завершения бейсбольной карьеры. И все же не могу понять, почему он не в себе. Неужели правда думает, что отца убили? Или дело в другом?

– В общем, – говорит Сэм, – отец оставил нас с Томми за главных.

Он пожимает плечами, словно изумляясь подобному решению. Хотя чему тут удивляться? Отец никогда не отдавал предпочтения ни одному из сыновей. Не такой он был человек. Если бы я проявляла чуть больше интереса к его делу, он нашел бы способ привлечь и меня.

– Здорово, поздравляю.

– Пока руководство фирмой взял на себя дядя Джо – ненадолго, всего на четырнадцать месяцев, чтобы инвесторы не волновались, а бизнес-процессы шли своим чередом. Потом мы с Томми будем вместе управлять компанией.

– Так в чем же дело? Разве ты не к этому стремился?

– Знаешь, когда отец обсудил с нами свои планы?

– Когда?

– За восемь дней до смерти.

Да уж, выглядит подозрительно.

– Может, совпадение? – осторожно спрашиваю я.

– Очень странное совпадение.

– Сэм, понимаешь...

– Что?

– Мне кажется, все слишком запутанно. По крайней мере, для меня. Только из-за того, что у тебя есть ощущение...

– Хорошо, допустим, измененное завещание – просто совпадение. Но все равно в последнее время отец вел себя необычно.

– В каком смысле?

– Стал рассеянным, отрешенным. Реже приходил в офис. Ты же знаешь, он всегда близко к сердцу принимал дела компании, а тут его словно подменили.

Сэм бросает на меня торжествующий взгляд, будто это все объясняет. Однако я вижу лишь следующее: мой брат убедил себя, что с отцом случилась беда. Если его догадки верны, значит, я оставалась в полном неведении. От осознания этого факта – и причин, по которым я ничего не знала, – мне становится больно. Виски пульсируют, словно там отбивает ритм невидимый барабан, за ушами разливается обжигающее тепло.

– Все сказанное не противоречит версии о несчастном случае, – замечаю я.

Сэм кивает:

– За исключением того, о чем мне не нужно тебе говорить.

Барабанный бой становится громче. «Ветролом» был папиным любимым местом, его тайным убежищем. Он знал участок как свои пять пальцев. Даже в дождливую безлунную ночь, накачавшись виски, он вряд ли мог забыть, где находится обрыв.

– Сделаешь мне одолжение? – спрашивает Сэм. – Завтра я лечу в «Ветролом». Поговорю со зрителем и местной полицией. Может, удастся выяснить, что именно произошло в тот вечер.

– Какое одолжение?

– Поехали со мной.

Невольно разражаюсь смехом.

– В Калифорнию? Шутишь?

– Я серьезно.

Намереваюсь категорически отказаться, но, встретив его взгляд, чувствую, как мучительно ему просить меня об этой поездке. Я впервые вижу Сэма таким уязвимым. Его лицо изменилось: морщины вокруг глаз стали глубже, брови сошлись на переносице. Внезапно, словно по волшебству, передо мной оказался отец.

Открываю папку, просматриваю стопку документов. Каждый аккуратно скреплен и помечен цветным ярлычком.

– Завешание огласили две недели назад, – говорит Сэм. – Будь ты на связи, знала бы, что отец оставил его тебе.

– Что именно?

– «Ветролом».

Щеки пылают огнем. В памяти всплывает один из последних наших с ним разговоров. Отец просил поехать с ним в «Ветролом». Обычно он приезжал туда без посторонних, чтобы отдохнуть и развеяться в тишине, поэтому его предложение застало меня врасплох. Но еще больше поразило его желание: «Хочу посоветоваться с тобой по поводу ремонта. Есть мысль кое-что изменить». Я отказалась, сославшись на занятость, однако истинная причина крылась в другом. Я злилась и не хотела выплескивать свое раздражение на отца.

В груди тоскливо ноет. Делаю глубокий вдох, пытаюсь унять боль.

– Сэм...

– Если ты права и все это полная ерунда, завтра вернемся ночным рейсом.

Сэм берет у меня папку, открывает первую страницу, вытаскивает лист с маршрутом.

– Хотя бы подумай, – просит он.

Смотрю на документ: аэропорт, номер рейса, время вылета выделено жирным шрифтом.

10 часов 08 минут. Завтра.

Закрываю папку, готовясь отказаться, но когда поднимаю глаза, брата уже нет.

Нотный лист

Сажусь в вагон метро, втискиваюсь на сиденье в углу, достаю голубую папку. В ней завещание, договор о покупке «Ветролома», полностраничный некролог об отце в «Нью-Йорк таймс». Поскольку официальные похороны не проводились, у меня не было возможности ознакомиться с документами ранее. Отец хотел, чтобы его кремировали, а пепел развеяли в «Ветроломе», над океаном. Исполнителем последней воли стал дядя Джо.

Достаю некролог (единственный документ, который я уже читала), вглядываюсь в фотографию отца. Он стоит, скрестив руки на груди, на вершине зеленого холма; на заднем плане – горы Сан-Исидро. Текст под снимком гласит: **«Лиам Сэмюэл Нун, основатель компании “Нун Пропертис энд Резортс”, на фоне флагманского отеля “Ранчо”»**.

Сноска под именем поясняет, что фамилия произносится «Нун», а не «Ноун»⁴. Я знаю – отцу нравилось, когда люди ошибались. Ничейный отель, шутил он, – идеальное место, чтобы скрыться от посторонних глаз.

Всматриваюсь в фотографию. Отец выглядит сильным, целеустремленным, мужественным. Неудивительно, что газетчики использовали именно этот снимок.

Отель «Ранчо» стал первым проектом отца после того, как он возглавил компанию «Хэйз», и эта фотография символизирует его впечатляющий путь от бедности к процветанию. Лиам Нун – уроженец Бруклина, единственный сын иммигрантов из Ирландии и России. Его отец был водопроводчиком, а мать помогала с бухгалтерией. Лиам первым из своей семьи поступил в колледж, а после с отличием окончил Йельский университет. Затем он получил степень мастера делового администрирования в Колумбийском университете, где вошел в тройку лучших выпускников, и устроился на работу операционным директором в «Хэйз Хотелс», семейную гостиничную сеть, владевшей пятью отелями на Восточном побережье. На первый взгляд странный выбор, ведь перед ним открывались двери в крупные консалтинговые фирмы и инвестиционные банки, охотившиеся за талантливой молодежью.

Но когда Уолтер Хэйз умер, выяснилось, что он оставил компанию моему отцу, которого ранее называл «самым взыскательным молодым руководителем, с каким ему доводилось работать за сорок восемь лет». Под управлением отца скромная сеть превратилась в роскошную империю, включающую тридцать пятизвездочных отелей по всей Северной Америке и еще восемнадцать в процессе строительства, общей стоимостью миллиард долларов. Со временем он и сам стал чрезвычайно богатым и могущественным человеком, но сохранил имидж неприметного бизнесмена, для которого главное – не личная слава, а безупречная репутация его отелей. Каждый обладал собственной уникальной легендой – мифологической историей, которая вызывала у людей непреодолимое желание остановиться именно там. Это были места из списка заветных мечтаний, и Лиам Нун неустанно работал над тем, чтобы они неизменно превосходили все ожидания.

Последний абзац некролога посвящен личной жизни усопшего. Сообщалось, что у отца остались дети: дочь от первого брака и двое сыновей от второго. Жены (и тот факт, что все они бывшие) не упоминались.

Отец женился трижды, но при этом умудрялся сохранять связи со всеми семьями. Даже после расставания с моей матерью он изо всех сил старался поддерживать со мной хорошие отношения и прилагал максимум усилий, чтобы развод не нанес урон моему будущему. Впрочем, дело не только во мне. Отец стремился сохранить гармонию во всех сферах своего существования: в отношениях со мной и мамой, с его новой семьей, а затем и с последующей.

---

⁴ Игра слов: «Ноопе» может произноситься как «пооп» (время дня) и как «по опе» (никто, ничей).

Словно отыскав особый путь, он научился выстраивать жизнь так, чтобы ее части не пересекались; это давало ему возможность чувствовать себя полноправным участником каждой из них.

Я никогда не держала на него зла. У меня было прекрасное детство, проведенное с матерью в Кротон-он-Гудзоне. Мое сердце принадлежало родному дому, школьным товарищам и богатой истории нашего маленького уютного городка. Я искренне гордилась тем, что в центре, на пересечении главных улиц, стоит самый старый светофор во всей Америке. И меня совершенно не тянуло наведываться в роскошный нью-йоркский пентхаус, к отцу и неприветливой мачехе.

Несмотря на мою любовь, наша с отцом близость была ограниченной – его жизнь словно существовала в параллельной реальности. Мы встречались по пятницам, он неизменно приходил на все мои школьные спектакли, однако большую часть времени посвящал другим семьям, жившим в неведомых для меня мирах, о которых я имела весьма смутное представление.

Вот почему я так ошеломлена тем, насколько мучительно переживаю его уход. Сама боль понятна, но меня поражает глубина моей скорби.

В последний год, после смерти мамы, мы с отцом отдалились друг от друга. Ее уход словно воздвиг между нами невидимую стену. Наверное, все дело в том, что мама умерла скоропостижно: однажды вечером она возвращалась домой на велосипеде, водитель грузовика забыл включить фары – и вот ее не стало.

Мама занимала особое место в моей жизни. Она часто говорила: то, что делаешь с утра, и есть для тебя самое главное. Пока я росла, каждое утро принадлежало только нам двоим. С первыми лучами солнца мы отправлялись в город, покупали в пекарне свежий хлеб и горячий шоколад, а затем усаживались на берегу реки и разговаривали. Этот ритуал оставался неизменным, даже когда я поступила в колледж. Невзирая на расстояние, телефон звонил каждое утро ровно в восемь. Мы беседовали по пути на занятия, делились впечатлениями по дороге на работу и вместе выпивали кофе, пусть и находясь в разных местах. Именно эти ежедневные звонки были лучшим доказательством того, как сильно мама меня любила.

Невозможно выразить словами, насколько я опустошена после ее смерти. Уже четырнадцать месяцев подряд каждое утро в восемь я смотрю на телефон, надеясь услышать родной голос.

Мое запоздалое чувство преданности маме особенно ярко проявлялось в отношении к отцу. Я не могла контролировать свои эмоции, хотя знала, что мама никогда на него не сердилась.

Возможно, мой гнев покажется не вполне обоснованным. Отчасти он был вызван тем, что отец пытался играть более активную роль в моей жизни (чего никогда раньше не случалось). Другая причина заключалась в неутраченной скорби по матери.

Мне казалось неправильным, что в отсутствие мамы отец вторгается в мое личное пространство. Поэтому я намеренно оставила это место незаполненным, тщетно пытаясь сохранить память о маме столь же яркой, как при ее жизни.

Теперь, когда отца больше нет, я окончательно осознала бессмысленность своих поступков. Отчужденность не воскресила маму и не уменьшила горечь от потери обоих.

Что мне теперь делать? Понимание собственной неправоты пришло слишком поздно: некому выслушать мои извинения.

Вагон дергается и останавливается. Свет гаснет.

Пассажиры недовольно ворчат, но так даже лучше: никто не видит мои слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.